

ОБЗОРНАЯ СТАТЬЯ

<https://doi.org/10.31063/AlterEconomics/2023.20-3.8>

УДК 338.24

JEL E620

Эффективность налоговых систем и стимулов в российских и зарубежных исследованиях¹

Артём В. РОЗЕНБЕРГ^{1), 2)} ¹⁾ Уральский федеральный университет, г. Екатеринбург, Российская Федерация²⁾ PricewaterhouseCoopers Ltd, г. Никосия, Республика Кипр

Для цитирования: Розенберг, А. В. (2023). Эффективность налоговых систем и стимулов в российских и зарубежных исследованиях. *AlterEconomics*, 20(3), 641–662.

<https://doi.org/10.31063/AlterEconomics/2023.20-3.8>

Аннотация. Актуальность проблематики оценки эффективности налоговых систем обусловлена, во-первых, существующей глобальной повесткой, направленной на повышение прозрачности мировой финансовой системы; во-вторых, ее значимой ролью в борьбе с экономическим неравенством. В случае России данная актуальность усиливается необходимостью дальнейшей деофшоризации национальной экономики и совершенствования налогового режима в направлении стимулирования и повышения устойчивости экономического роста, необходимого стране для преодоления последствий рецессии, а также экономического и финансового шока 2022 года. Предметом исследования являются работы российских и зарубежных авторов, посвященные вопросам оценки эффективности налоговых систем и стимулов. Исходя из представления о том, что существуют различные акценты в построении налоговой системы, сформулирована цель исследования — выявить основные показатели эффективности налоговой системы и налогово-бюджетной политики на основе обзора существующих подходов к их оценке, представленных в отечественной и зарубежной литературе, и наметить возможность их применения для совершенствования налоговой системы России. Выбор научных источников осуществлен методом «снежного кома»: сначала в доступных международных базах, а также на российской площадке e-Library, по ключевым словам, таким как «налогообложение», «налоговая система», «налоговый режим», «фискальная политика», «международное налогообложение», «эффективность налоговой системы», «налоговая нагрузка», «налоговый стимул», а затем — на основе ссылок на источники в выбранных статьях. По итогам проведенного исследования для анализа были отобраны публикации, в которых содержалась методика оценки эффективности налоговых систем и налогово-бюджетной политики и подходы к данной оценке. Все публикации были разделены на четыре группы в зависимости от выбранных приоритетов: экономическое неравенство, экономический рост, инвестиции, государственный бюджет и налоговая нагрузка. В результате исследования были сделаны выводы об эффективности использования регрессионного анализа при общей оценке национальных налоговых систем и важности использования дополнительных методов исследования в случае оценки национальных налоговых систем с учетом влияния системы международного налогообложения, позволяющих в большей мере выделить индивидуальную специфику стран. В дальнейшем данное исследование может быть использовано для оценки эффективности российского налогового режима регулирования движения денежных потоков, в т. ч. в Республику Кипр как ключевую офшорную юрисдикцию для российской экономики до начала кризиса 2022 г.

Ключевые слова: эффективность налоговой системы, фискальная политика, международное налогообложение, офшоры, государственный бюджет, налоговая нагрузка, экономическое неравенство

¹ © Розенберг А. В. Текст. 2023.

Evaluating the Effectiveness of the Tax System and Incentives: Criteria and Methods in Russian and International Research

Artem V. ROZENBERG ^{1), 2)} ✉

¹⁾ Ural Federal University, Ekaterinburg, Russian Federation

²⁾ PricewaterhouseCoopers Ltd, Nicosia, the Republic of Cyprus

For citation: Rozenberg, A. V. (2023). Evaluating the Effectiveness of the Tax System and Incentives: Criteria and Methods in Russian and International Research. *AlterEconomics*, 20(3), 641–662.

<https://doi.org/10.31063/AlterEconomics/2023.20-3.8>

Abstract. The task of evaluating the effectiveness of the tax system is crucial for two main reasons. Firstly, it aligns with global efforts to improve financial transparency and combat economic inequality. Secondly, in Russia, this assessment is especially important as it pertains to reducing offshore activities in the national economy and refining the tax framework to boost economic growth and address the aftermath of the 2022 recession and financial shock. This study examines research by Russian and international scholars on the effectiveness of the tax system and incentives. Emphasizing the diverse perspectives in constructing tax systems, our study aims to review the contemporary approaches in Russian and international literature and to ascertain their applicability in enhancing the Russian tax system. We employed the snowball method to source academic materials, starting with searches in international databases and the Russian e-Library using keywords like “taxation”, “tax system”, etc. The selection was then broadened by reviewing references cited in these articles. Our analysis covered 48 publications, categorized into four clusters: economic inequality, economic growth, investment, government budget, and tax burden. Our study underscores the effectiveness of employing regression analysis for the comprehensive evaluation of national tax systems. It also highlights the importance of supplementary research methods when assessing national tax systems, particularly considering the influence of the international taxation system. This approach allows for a more nuanced understanding of each country’s specific dynamics. Looking ahead, our research can serve as a valuable tool for appraising the efficacy of the Russian tax regime in regulating cash flow movements, including those to the Republic of Cyprus, a key offshore jurisdiction for the Russian economy prior to the onset of the 2022 crisis.

Keywords: efficiency of the tax system, fiscal policy, international taxation, offshore, state budget, tax burden, economic inequality

1. Введение

Проблематика оценки эффективности национальных налоговых систем и стимулов в свете международного налогообложения на протяжении длительного периода времени остается актуальной научной задачей, несмотря на меняющиеся экономические условия и, как следствие, изменения в выборе целей и приоритетов. Если в прошлом столетии важной задачей налогового регулирования была борьба с двойным налогообложением, то в XXI в. данная проблема практически решена. Однако возникла новая — повышение прозрачности мировой финансовой системы и противодействие размыванию налоговой базы национальных экономик, являющихся важнейшими центрами экономической деятельности (Rixen, 2011, p. 200). Решение данных проблем, в свою очередь, вписывается в общий контекст борьбы с ростом экономического неравенства во всем мире и снижением эффективной ставки налога для крупнейших корпораций и наиболее состоятельных физических лиц, способных позволить себе услуги по оптимизации налогообложения на международном уровне.

За последние годы мировое сообщество достигло существенного прогресса в решении данных вопросов. Ключевым достижением стало введение глобаль-

ной эффективной минимальной ставки налога на прибыль транснациональных предприятий в размере 15 % в рамках налоговой реформы ОЭСР, которую согласовали 136 стран и юрисдикций, представляющих более 90 % мирового ВВП, в т. ч. РФ¹. Данная минимальная ставка применяется с 1 января 2023 г. для компаний, оборот которых превышает 750 млн евро. По оценке экспертов ОЭСР (OECD, 2022, р. 6), ее ведение позволит защитить налоговую базу стран от практик размывания и вывода прибыли и ослабит давление на национальные юрисдикции, вынужденные вводить все больше и больше налоговых стимулов для привлечения и удержания налогооблагаемой прибыли, а также прекратит «игру на понижение» налоговой нагрузки среди юрисдикций.

В этих условиях вопросы оценки эффективности налоговых систем и стимулов являются крайне актуальными для современной России. Изучение собственного и зарубежного опыта, выявление и анализ ошибок и возможностей позволяют правильно оценить и скорректировать выбранные приоритеты в построении налогового режима, наиболее эффективным образом встроеного в контекст международного налогообложения, способствующего преодолению рецессии и последствий экономического шока 2022 г. В будущем это создаст условия для выхода на устойчивые темпы экономического роста. Это особенно важно в связи с тем, что Россия остается страной с высоким уровнем экономического неравенства и офшоризированной экономикой.

Таким образом, целью данного исследования является выявление основных показателей эффективности налоговой системы и налогово-бюджетной политики на основе обзора существующих подходов к их оценке, представленных в отечественной и зарубежной литературе, и определение направления их применения для совершенствования налоговой системы России. При этом особое внимание должно быть уделено вопросам международного сотрудничества в налоговой сфере, участия стран в соглашениях об избежании двойного налогообложения, договоров с ключевыми офшорными юрисдикциями и т. п. В данном контексте под офшорными юрисдикциями понимаются офшорные финансовые сети, состоящие из группы формально и неформально объединенных экономических акторов, целью которых является обеспечение оптимальной комбинации низкой налоговой нагрузки, удобных условий ведения бизнеса и анонимности конечных бенефициаров финансовых операций (Хейфец, 2013, с. 10).

Научная новизна данного исследования заключается в систематизации показателей и методов, применимых для оценки эффективности налоговых систем и стимулов в свете международного налогообложения.

Выбор научных источников осуществлялся методом «снежного кома», в первую очередь, в доступных международных базах, а также на российской площадке e-Library, по ключевым словам: «налогообложение», «налоговая система», «налоговый режим», «фискальная политика», «международное налогообложение», «эффективность налоговой системы», «налоговый стимул», а затем на основе ссылок на источники в выбранных статьях.

¹ OECD (2021). *International community strikes a ground-breaking tax deal for the digital age*. URL: <https://www.oecd.org/tax/international-community-strikes-a-ground-breaking-tax-deal-for-the-digital-age.htm> (дата обращения: 10.02.2023).

2. Цели налоговой политики и показатели ее эффективности в отечественных и зарубежных исследованиях

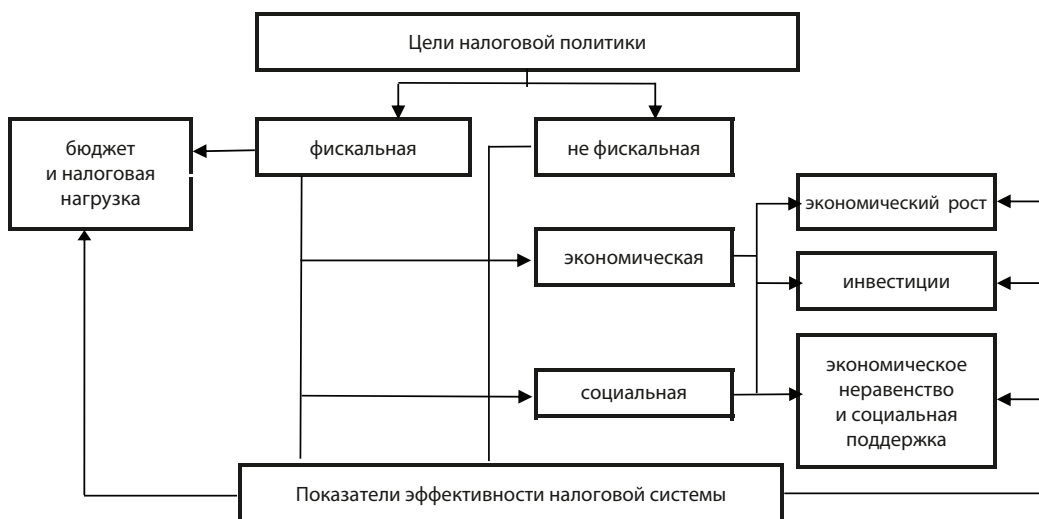
Налоговая система представляет собой сложный механизм, направленный на решение множества задач, в связи с чем возникает необходимость выбора приоритетов при ее формировании, которые определяются текущей ситуацией и стратегией развития национальной экономики. В зависимости от этого можно выделить следующие цели налоговой политики:

- фискальные цели: пополнение бюджета и финансирование государственных расходов;
- экономические цели: стимулирование экономического роста, повышение подушевого дохода, привлечение инвестиций и т. п.;
- социальные цели: сокращение неравенства доходов, обеспечение социальной поддержки населения, финансирование образования, здравоохранения, социальной инфраструктуры и т. п.

С точки зрения П. Сокула, достижение предполагаемых целей налоговой политики зависит, прежде всего, от четкого понимания экономических последствий принимаемых решений (Сокул, 2010, с. 116).

Очевидно, что цели налоговой политики могут быть взаимообусловлены и иметь различные социально-экономические последствия. Например, социальная цель поддержки малоимущих граждан невозможна без обеспечения выполнения фискальных целей по сбору налогов и зависит от экономического роста в стране. В свою очередь, рост подушевого дохода может служить социальным целям, таким как сокращение неравенства и повышение общего уровня жизни граждан. В связи с чем одним из наиболее важных вопросов оценки эффективности налоговых систем и стимулов является вопрос выбора критериев, отражающих приоритеты налоговой политики и экономического развития.

Ниже на рисунке представлена взаимосвязь между целями налоговой политики и критериями эффективности налоговой системы.

Рис. Взаимосвязь между целями налоговой политики и показателями эффективности

Источник: составлено по: (Пасько, 2004; Сокул, 2010; Иванова, Казаков, 2015).

Fig. Relationship Between Tax Policy Objectives and Efficiency Indicators

Наличие данной взаимосвязи напрямую зависит от развитости институтов. Принято считать, что фискальная политика, неравенство и экономический рост взаимоопределяют друг друга. В демократических странах общество будет требовать от правительства большего перераспределения доходов. Такое общество рано или поздно столкнется с искажающими налогами (*distortionary taxes*), которые, в свою очередь, снизят частные инвестиции и связанный с ними экономический рост (Muinelo-Gallo & Roca-Sagalés, 2013). Таким образом, можно утверждать, что фискальная политика представляет собой эндогенную переменную, которая посредством политических процессов отражает предпочтения избирателей в отношении распределения доходов, а каждый гражданин, голосующий за политику перераспределения, выступает как экономический агент (García-Peñalosa & Turnovsky, 2007). Однако есть и противоположные наблюдения, указывающие на то, что развитые страны с высоким уровнем неравенства склонны распределять меньше доходов.

На основе систематизации изученной литературы определены четыре подхода к оценке эффективности налоговой системы и стимулов, базовыми показателями которых соответственно являются:

- экономическое неравенство;
- экономический рост;
- инвестиции;
- государственный бюджет и налоговая нагрузка.

2.1. Экономическое неравенство

Данный обзор следует начать с работ, изучающих влияние фискальной политики на экономическое неравенство, проблематика которого уже давно остается в центре внимания мировой экономической мысли. Борьба с экономическим неравенством, по мнению многих исследователей, является приоритетным направлением в совершенствовании налоговой системы и должна быть важным индикатором при оценке ее эффективности.

Для оценки влияния налогового режима на уровень неравенства чаще всего используется регрессионный анализ. При этом для измерения неравенства обычно используют индекс Джини и показатель уровня бедности, который может измеряться различными способами.

В свете проблем экономического неравенства и социальной справедливости чаще всего поднимаются вопросы выбора шкалы налогообложения. Например, в работе Р. Бенабу на основе данных США анализируется влияние прогрессивного подоходного налога и объемов финансирования образования на неравенство доходов, совокупный доход и социальную мобильность (Benabou, 2002). Для этого автор разработал стохастическую модель накопления человеческого капитала с эндогенными стимулами. По оценке Бенабу, государственное перераспределение доходов эффективно, если 30 % богатейших семей субсидируют более 70 % бедных. Кроме того, модель автора показывает, что финансирование образования приводит к более высокому росту доходов, в т. ч. среди бедного населения. В базовой спецификации модели долгосрочный рост подушевого дохода максимизируется при суммарной налоговой нагрузке в размере 21 %, что соответствует доле перераспределительных трансфертов в размере 6 % ВВП.

В иной работе (García-Peñalosa & Turnovsky, 2007) представлена модель эндогенного роста с эластичным предложением труда, которая описывает ситуацию с экономическими агентами, различающимися по запасам капитала. По результатам исследования авторы обнаруживают, что в случае ускорения темпов экономического роста происходит рост неравенства в распределение доходов, при этом фискальная система способна сгладить данный процесс при помощи прогрессивной системы налогообложения. Вопросы эффективности прогрессивной шкалы налогообложения широко обсуждаются российскими учеными (Варшавский, 2013; Быкова, Тикшаева, 2016; Вахтина, 2016; Косов, Бондаренко, 2018).

Одной из проблем оценки влияния налоговой системы и стимулов на экономическое неравенство является выбор переменных. Группа авторов (Afonso et al., 2010), основываясь на данных стран ОЭСР за период с 1960 г. по 2000 г., оценивают влияние фискальных переменных на экономическое неравенство при помощи регрессионного анализа и непараметрического метода анализа оболочки данных (DEA). В данной модели экономическое неравенство оценивается через индекс Джини (1980–2000 гг.), а также долю доходов в ВНД 40 % беднейших домохозяйств, а в роли тестируемой независимой переменной выступает доля НДФЛ в ВВП, выраженная в процентах. В роли контрольных переменных взяты: доля прямых трансферов и субсидий в государственном бюджете; объем средств, направленных на поддержку семей; государственные расходы на пенсии и образовательную политику. Авторы подтверждают, что переменные, характеризующие политику перераспределения доходов, оказывают значимое влияние на экономическое неравенство, а наиболее эффективной является перераспределительная политика в скандинавских странах, менее эффективной — в крупных европейских странах и странах южной Европы, что может быть связано с различиями в культуре и качестве институтов. Доля НДФЛ в ВВП оказывает меньшее, но тоже значимое влияние на неравенство.

Сложность оценки эффективности налоговой системы и стимулов в направлении борьбы с неравенством является поиском компромисса между экономической эффективностью и справедливостью. К примеру, Г. Скалли на основании данных США за 1960–1990 гг. при помощи регрессионного анализа исследует влияние налоговой нагрузки на неравенство (Scully, 1991). Ученый пытается найти такой вариант налоговой нагрузки, который максимизировал бы экономический рост, но при этом не приводил бы к чрезмерному росту экономического неравенства. В данном случае налоговая нагрузка оценивается как отношение налоговой выручки к ВВП, в роли зависимой переменной выступает коэффициент Джини. В результате исследования автор приходит к выводу, что оптимальная налоговая нагрузка составляет 19,3 %. Данная ставка при максимизации экономического роста приводит к повышению индекса Джини на 7 %, что, по мнению Г. Скалли, является приемлемым в условиях повышения качества жизни, вызванного экономическим ростом.

Результаты выполненного на данных европейских стран за период с 1982 г. по 2002 г. исследования, полученные Л. Шукнехтом и В. Танзи, показывают, что снижение государственных расходов и, соответственно, налоговой нагрузки приводит к позитивным макроэкономическим и институциональным эффектам, выраженным изменением ИРЧП (Schuknecht & Tanzi, 2005). При этом рост неравенства доходов оказывается незначительным. Однако качество оптимиза-

ции бюджета имеет ключевое значение, поскольку результат может быть негативным при неверном таргетировании расходов. Как отмечают исследователи, в случае развивающихся стран, в т. ч. Российской Федерации, рост бюджетных расходов и необходимых для его финансирования налогов зачастую связан с большей бюрократической волокитой и большими возможностями для извлечения ренты и коррупции.

Другим вектором данных исследований является оценка влияния структуры государственных расходов на социально-экономические показатели. Важность сокращения налоговой нагрузки и бюджетных расходов показана и в работе экспертов МВФ (Furceri et al., 2018, p. 8), в которой с помощью регрессии на примере 103 развивающихся стран в период с 1990 г. по 2015 г. исследуются влияния непредвиденных изменений (шоков) и государственных расходов на экономическое неравенство. Данные шоки рассчитываются как разница между фактическим ростом государственных расходов и спрогнозированным МВФ. Полученные авторами результаты указывают на наличие негативного влияния неожиданного сокращения государственных расходов на экономическое неравенство и уровень нищеты. В результате исследования делается вывод, что суммарное непредвиденное сокращение государственных расходов на 1 % в течение пяти лет приводит к росту индекса Джини на 1 %. При этом негативный эффект меньше для государственных инвестиций, поскольку они приводят к созданию стоимости, и больше для перераспределительных расходов, что в целом согласуется с экономической теорией.

К подобным выводам приходят уже упомянутые авторы (Muinelo-Gallo & Roca-Sagalés, 2013), моделирующие влияние фискальной политики на неравенство и экономический рост на данных по 43 странам со средним и высоким уровнем доходов за период 1972–2006 гг. При этом особенность модели в том, что она учитывает изменение численности населения стран. Полученные авторами результаты указывают на то, что рост текущих государственных расходов и прямых налогов снижает неравенство по доходам и экономический рост, в то время как рост государственных инвестиций также снижает неравенство по доходам, но уже без ущерба росту экономики. Валидность этих результатов была подтверждена и более поздней работой, учитывающей в т. ч. и следующие дополнительные переменные (Muinelo-Gallo & Roca-Sagalés, 2013, с. 33–34):

- в регрессии душевого роста ВВП учитывается Индекс Развития Человеческого Капитала (ИРЧП) и открытость торгового режима;
- в регрессии неравенства доходов учитывается уровень гражданских свобод (индекс Freedom House) и неравенство доступа к получению образования (*Gini education inequality index*).

В целом, полученные эмпирические результаты подтверждают противоречие между эффективностью и справедливостью налогово-бюджетной политики: чем меньше доля государства в экономике, тем больше делимый «экономический пирог», но тем менее справедливо он распределяется. Результаты также показывают, что единственная фискальная политика, которая может избежать этого противоречия между ростом и равенством — это не распределительные расходы, а государственные инвестиции, поскольку они способствуют экономическому росту, не увеличивая при этом неравенства.

2.2. Экономический рост

Многие зарубежные исследования концентрируются на изучении влияния налоговых режимов на экономический рост. В рамках неоклассической школы существуют два ключевых подхода в оценке данного явления:

— первый подход основывается на представлении, что экономический рост формируется в результате экзогенных факторов, таких как численность населения и уровень технологического развития. При этом различия в налоговой политике и структуре государственных расходов оказывают значимое влияние на уровень выпуска продукции, но не оказывают значимого влияния на темпы экономического роста (Сато, 1967);

— второй подход, напротив, предполагает, что экономический рост определяется не только экзогенными факторами, но и эндогенными. При этом налоги и государственные расходы играли важную роль в экономическом росте, а инвестиции в человеческий и физический капитал значимо влияют на долгосрочные темпы экономического роста. Модели эндогенного роста, включающие государственную политику, указывают, что искажающие налоги (*distortive taxes*), а также государственные инвестиции в производство значительно влияют на экономический рост, уровень выпуска продукции, а также на долгосрочные темпы экономического роста (Barro, 1990; King & Rebelo, 1990).

В иной работе (Dackehag et al., 2012) на основе панельных данных по 25 развитым странам ОЭСР с 1975 г. по 2010 г., взятых с сайта Управления исследований налоговой политики (OTPR) Мичиганского университета и Европейского налогового справочника Международного бюро налоговой документации (IBFD), при помощи множественной регрессии проводится оценка влияния ставок налога на прибыль корпораций и ставок НДФЛ на экономический рост, выраженный как средний четырехлетний темп роста ВВП на душу населения. По результатам исследования авторы приходят к следующим выводам: во-первых, налогообложение дохода компаний и доходов физических лиц негативно влияет на экономический рост; во-вторых, большая доля государственных расходов в ВВП оказывает значимое негативное влияние на экономический рост, а увеличение государственных расходов на 1 % снижает рост ВВП на душу населения на 0,07 %.

Данные выводы подтверждаются работой Й. Ли и Р. Гордона, в которой на основе данных по разным странам за 1970–1997 гг., взятых из базы World Tax Database Мичиганского университета, оценивается влияние налоговой политики на рост ВВП на душу населения (Lee & Gordon, 2005). В результате работы делается вывод, что снижение налога на прибыль корпораций на 10 % повысит годовой темп роста экономики на 1–2 %; и, напротив, повышение ставок налога на прибыль приведет к снижению будущих темпов экономического роста. Используемая модель оценки также учитывает такие неэкономические переменные, как:

— *International Country Risk Index*, отражающая политические, финансовые и экономические риски каждой страны;

— прирост населения в процентах за период, как и в вышеописанном исследовании (Muinelo-Gallo & Roca-Sagalés, 2011);

— переменная континента.

В работах И. Шаровской на данных по 24 странам ЕС за период 1995–2010 гг. оценивается влияние изменения налогового бремени, выраженного как отношение налоговой выручки к ВВП, на рост ВВП на душу населения как при по-

мощи обыкновенной регрессии, так и с помощью парных тестов причинности Грейнджера (*Pairwise Granger Causality Tests*) (Шаровская, 2013). Полученные ею результаты указывают, что рост налогов на потребление оказывает положительное влияние на экономический рост, поскольку такие налоги приводят к росту инвестиций. Изменение ставки налога на потребление на 1 % увеличивает рост ВВП на 0,89 %. С другой стороны, повышение НДС на 1 % приводит к крайне значимому снижению роста ВВП на 0,51 % с отставанием в один год.

Схожие результаты по европейским странам в период 1960–2001 гг. получены Д. Ромеро-Авила и Р. Страучем, которые на основе данных ОЭСР (OECD Economic Outlook) исследовали влияние фискальных переменных, государственных инвестиций и государственного перераспределения доходов на рост подушевого ВВП и рост частных инвестиций, как доли ВВП (Romero-Avila & Strauch, 2008). Полученные авторами результаты указывают, что государственное потребление и значительное перераспределение доходов негативно влияют на рост экономики в среднесрочной перспективе через снижение накопления частных инвестиций на физический капитал.

В работе Р. Кинга и С. Ребело представлена модель эндогенного роста экономики с целью определения влияния ставки налога на прибыль на рост подушевого ВВП на основе данных по американским штатам за период с 1957 г. по 1987 г. (King & Rebelo, 1990). Полученные результаты также указывают на негативное влияние налога на прибыль на экономический рост, а именно, увеличение ставки налога с 20 % до 30 % приводит к снижению роста подушевого ВВП на 2 %.

В работе ученых Д. Стойловой и Н. Платонова также оценивается влияние налогового бремени как отношения налоговой выручки к ВВП, а также доли общих бюджетных расходов к ВВП на экономический рост стран ЕС за период 1995–2010 гг. (Стойлова, Платонов, 2013). По результатам исследования авторы отмечают, что налоги на недвижимость кажутся наиболее благоприятными для экономического роста, поскольку они, как и иные налоги на потребление, стимулируют инвестиционную активность и связанный с ней экономический рост, что соответствует результатам, полученным другими авторами и экономической теории в целом.

По результатам проведенного исследования значимого влияния стимулов и предпочтений специальных экономических зон на местную занятость не обнаружено, вне зависимости от монетарного объема стимулов или дизайна программы.

Схожие результаты были получены и в иной работе, посвященной влиянию сокращения налогов на экономический рост (Gechert & Heimberger, 2022). Авторы, учитывая и эндогенные переменные в регрессионном, указывают, что снижения ставки налога на прибыль могут и не иметь положительного эффекта на динамику экономического роста, а в научном сообществе существует самоподдерживающееся когнитивное искажение, направленное на априорное присваивание ускорения темпов экономического роста снижению налоговой нагрузки, а не иным факторам, таким как конъюнктура рынка труда, научно-технологический прогресс и т. д.

В работе Дж. Скалли полученная модель указывает, что суммарная налоговая нагрузка (федеральные налоги, налоги на уровне штатов и местные налоги) должна составлять ~23 % от ВВП для максимизации экономического роста, а общие налоговые сборы были бы на \$61,9 млрд выше (Scully, 2003). В иной, более

ранней работе автора (Scully, 1991) результаты указывают, что ставки налога выше 43 % имеют разрушительный эффект на экономический рост.

Однако Р. Хилл указывает на серьезные ошибки в спецификациях моделей Дж. Скалли (Scully, 1991; Scully, 2003), отмечая, что полученные модели дают совершенно ложные оценки оптимальной ставки налога, а остальные расчеты спекулированы с целью доказать, что внедрение «оптимальной налоговой ставки», максимизирующей экономический рост, не окажет значительного влияния на неравенство доходов (Hill, 2008).

Этот результат, также полученный Р. Кнеллером, М. Блини и Н. Геммелом в их классической работе, согласуется в целом с экономической теорией в части искажающего воздействия прямых налогов на трудовые и инвестиционные решения экономических агентов (Kneller et al., 1999). Напротив, принято считать, что косвенные налоги не оказывают существенного влияния на экономический рост и не вносят существенного искажения в поведение экономических агентов.

Другие авторы (Schwellnus & Arnold, 2008) исследуют влияние налога на прибыль на создаваемую компаниями добавленную стоимость, которая рассчитывается как сумма валовой прибыли (выручка за вычетом себестоимости) и расходов на фонд оплаты труда на примере 43,5 тыс. европейских компаний стран ОЭСР в период 1996–2004 гг. по данным Amadeus. Номинальные значения расходов были дефлированы по отраслевым индексам цен EUKLEMS, за исключением основных средств, которые были дефлированы с помощью дефляторов валового накопления основных средств по ОЭСР Economic Outlook. Полученные учеными результаты ожидаемо указывают на значимое негативное влияние налога на прибыль на создание добавленной стоимости на уровне фирм. Эффект остается отрицательным для всех категорий компаний, за исключением малых и молодых фирм, что авторы связывают с меньшей прибыльностью новых и развивающихся компаний. Отрицательный эффект налога на прибыль корпораций особенно заметен среди передовых технологических компаний, что авторы объясняют сокращением инвестиций по причине увеличения стоимости капитала.

В свою очередь, С. Плоссер, используя данные по странам ОЭСР за 1960–1989 гг., развивает модель экзогенного экономического роста Солоу, добавляя в нее возобновимые факторы производства с целью оценки влияния налогового бремени, выраженного как доля налога на прибыль в ВВП на долю прибыли компаний в ВВП и рост ВВП на душу населения (Plosser, 1992). По итогам моделирования обнаружена значительная негативная корреляция между налоговым бременем, ростом прибыли компаний и экономическим ростом.

2.3. Инвестиции

Другим важным подходом служат методы оценки влияния налоговой системы на инвестиционный климат и, в итоге, на инвестиции. Особенно вопросы привлечения ПИИ актуальны для всех развивающихся стран, в т. ч. для Российской Федерации, поскольку на протяжении длительного времени большая часть входящих российских инвестиций приходилась на офшорные юрисдикции, преимущественно на Кипр. В связи с чем можно отметить, что фискальная политика последних лет, реализуемая в общем социально-политическом и экономическом контексте, не справилась с задачей привлечения качественных иностранных инвестиций в национальную экономику.

В группе работ данного направления активно применяется эконометрическое моделирование. В моделях в качестве налоговых факторов рассматриваются: налоговые льготы и стимулы; ставки налогов и уровень налогообложения; стабильность налоговой системы.

Работ, посвященных влиянию налоговых льгот и стимулов на инвестиции, не так много, т. к. ввиду их разнообразия существуют сложности их оценивания. Чаще всего изучаются льготы по налогу на прибыль предприятий, такие как:

- льготы, направленные на снижение номинальной ставки налога на прибыль;
- льготы, направленные на компенсацию инвестиционных расходов компаний (ускоренная амортизация и вычет инвестиционных расходов из налоговой базы);
- прочие льготы по налогу на прибыль, такие как налоговые каникулы, налоговые кредиты на инвестиционные расходы, льготы на экспортную выручку, освобождение или сниженные ставки НДС и льготы для резидентов особых экономических и экспортных зон.

При этом налоговые каникулы могут быть серьезным подспорьем в уклонении от уплаты налогов, поскольку позволяют компаниям выводить прибыль посредством трансфертного ценообразования (Zee et al., 2002).

В иной работе (Zee et al., 2010) на примере 12 стран зоны африканского франка в период 1994–2006 гг. исследуется вопрос об эффективности налоговых льгот в привлечении инвестиций. Инвестиции при этом определяются как совокупный приток ПИИ, как доля ПИИ в ВВП и как валовое накопление основных средств частными юридическими лицами. Наиболее значимыми контрольными переменными являются: принадлежность страны к нефтегазовым экономикам, сложность налоговой системы и правовая защищенность инвесторов, выраженная как количество юридических гарантий. Налоговые льготы, в свою очередь, разделены на две группы: по количеству лет, на которые инвестиционные проекты освобождаются от уплаты налога на прибыль, и по количеству льгот по налогу на прибыль для экспортных компаний.

Важно заметить, что полученные авторами результаты указывают на отсутствие значимой связи между предоставляемыми инвесторам налоговыми льготами и объемом инвестиций. В то же время увеличение количества юридических гарантий и снижение сложности налоговой системы способствуют привлечению инвестиций. С другой стороны, теоретическое исследование (Hassett & Hubbard, 2002) указывает, что налоговые льготы, направленные на привлечение инвестиций, могут негативно повлиять на экономическое развитие, поскольку они создают искажения в распределении активов. Более того, налоговые льготы могут быть просто неэффективны, поскольку они будут заложены в будущих ценах на капиталные товары, а потому не повлияют на чистый денежный поток.

Самая большая группа работ посвящена вопросам влияния на инвестиции ставок налогов и уровня налогообложения. Например, в работе А. Бенасси-Кере, Н. Гобалраджи и А. Траной исследуется влияние налоговых ставок на ПИИ из США в 18 стран ЕС в период 1994–2002 гг. (Bénassy-Quéré et al., 2007). В качестве независимых переменных авторы выбрали номинальную и среднюю эффективную ставку налога на прибыль корпораций, в качестве контрольных переменных используются размер рынка ($\log$ ВВП), стоимость рабочей силы, объем социальных расходов и расходов на здравоохранение. По результатам исследования авторы приходят к следующим выводам: во-первых, низкие номинальные и эффективные

ставки налога на прибыль оказывают положительное влияние на ПИИ; во-вторых, активная политика перераспределения доходов государством, в т. ч. на такие общественные блага, как здравоохранение и социальное обеспечение, напротив, служит отрицательным сигналом для инвесторов.

В ряде работ оценивается влияние на инвестиции определенных налогов. Так, в работе К.Д. Эдмистона на примере данных США и Японии оценивается влияние волатильности ставки налога на капитал на объем инвестиций (Edmiston, 2004). Показано, что повышение ставок налога на капитал оказывает значимый негативный эффект на инвестиции в расчете на одного работника. Схожие результаты получены и другой группой исследователей (Edmiston et al., 2003), проводивших мета-анализ 25 эмпирических исследований, в которых в качестве независимой переменной рассматривалась ставка налога на прибыль. Как показало исследование, снижение налоговой ставки на прибыль в принимающей стране на 1 % увеличивает ПИИ в эту страну на 3,3 %.

С бухгалтерской точки зрения, накопление инвестиций компаниями может выглядеть как рост их основных средств и запасов. Влияние межстрановых отличий в ставках налога на прибыль на величину основных средств и запасов исследуется в работе Р. Альтшулера, Г. Груберта и Т.С. Ньюлона (Altshuler et al., 2009). Исследование проведено на основе данных из сборников по налоговым декларациям Казначейства США контролируемых иностранных компаний (КИК) крупных производственных компаний США за период с 1984 г. по 1992 г. В качестве зависимой переменной взят показатель величины основных средств и запасов компаний, в качестве независимых переменных — средняя эффективная налоговая ставка, открытость торгового режима, ВВП и численность населения. По итогам исследования авторы пришли к выводу, что рост ставок налога на прибыль оказывает значимое негативное влияние на основные средства и запасы компании. При этом значимое влияние на величину основных средств и запасов оказали рост глобализации и изменения в ожиданиях экономических агентов в отношении налоговых ставок после принятия Закона о налоговой реформе, снизившего ставку налога на прибыль в США с 46 % до 34 %.

Очень интересным направлением является исследование влияния сложности налоговых систем и непредсказуемости их изменений на входящие ПИИ. Такое исследование содержится в работе К. Эдмистона, С. Мадда и Н. Валева, выполненной на основе данных развивающихся стран, взятых из базы Европейского Банка Реконструкции и Развития (Edmiston et al., 2003). Сложность налоговой системы определяется авторами на основе расчета:

- количества строк в описании налоговой базы. Их большое количество может быть связано с большим числом специальных положений, исключений, ограничений и т. п. При этом очевидно, что лингвистические отличия также могут влиять на количество строк;
- наличие расплывчатых формулировок, например, «пожертвования утвержденными благотворительными и другими учреждениями»;
- количество отдельных налоговых ставок.

Лучшим показателем данной непредсказуемости здесь является частота неожиданных изменений ставок налога и положений налогового кодекса. Естественно, это снижает уверенность экономических агентов в будущих денежных потоках.

В качестве контрольных переменных рассмотрены: принадлежность к нефтегазовым экономикам, принадлежность к ЕС, открытость экономики, изначальный ВВП на душу населения и уровень инфляции. Полученные авторами результаты указывают, что сложность налоговой системы и непредсказуемость ее развития оказывают значимое негативное влияние на приток иностранных инвестиций. В частности, введение одной дополнительной специальной налоговой ставки снижает долю ПИИ в ВВП в среднем на 0,5 %. Данные выводы особенно интересны для России, поскольку российский налоговый кодекс «славится» ростом нормативных актов, произвольно толкуемыми и взаимопротиворечащими формулировками.

Другое исследование в этом направлении было проведено А. Дж. Ауэрбахом и К. Хассетом на основе данных результатов деятельности американских компаний за период с 1953 г. по 1988 г. (Auerbach & Hassett, 1992). В исследовании были оценены ожидания экономических агентов касательно будущих налоговых условий. Авторы включили в модель показатели либерализации налоговых условий в США в 1980-е гг., а именно, введение ускоренной системы амортизации (Accelerated Cost Recovery System, 1981) и изменение налогового законодательства (Tax Reform Act of 1986). В результате исследования ученые показали, что налоговые изменения сыграли значительную роль в воздействии на уровень и структуру инвестиций.

2.4. Государственный бюджет и налоговая нагрузка

Не менее важным направлением оценки эффективности налоговой системы является определение уровня налоговых сборов, которые впоследствии государство может использовать в целях перераспределения доходов и инвестиций. Обратной стороной медали выступает уровень налоговой нагрузки. Согласно экономической теории, существует оптимальный уровень налогообложения, определяемый налоговыми ставками, при которых объем налоговых поступлений достигает возможного максимума, а налоговая нагрузка не ведет к разорению налогоплательщиков и не толкает их на путь уклонения от налогов. Благодаря этому выполняется принцип нейтральности налоговых поступлений, характеризующий ситуацию, когда налоги не оказывают влияние на действия налогоплательщиков (Сокул, 2010, с. 118). Таким образом, определение оптимальной ставки налога является крайне значимым и для целей государственного бюджета. При этом зависимость объема налоговых поступлений от уровня налогообложения определяется кривой Лаффера и ее модификациями (Какаулина, 2017). Данная идея нашла свое отражение в работах, исследующих поступления по налогу на прибыль и НДС (Мовшович, Соколовский, 1994), а также объем поступления налогов с учетом теневой составляющей (Gutmann, 1977) и т. п.

Подход в определении эффективности налоговой системы и стимулов через объем налоговых поступлений свойственен большинству российских авторов (Пасько, 2004¹; Пасько, 2009; Иванова, Казаков, 2015, с. 199; Калинина, 2011), которые, в отличие от западных, в меньшей мере концентрируются на влиянии фискальных переменных на показатели социально-экономического развития страны.

¹ Пасько, О. Ф. (2004). *Налоговое регулирование экономического развития предприятий*: дис. канд. экон. наук. Москва, 178.

С точки зрения А. Тинга и С. Грея, концентрация исключительно на проблематике роста налоговых сборов в оценке эффективности налоговой системы ошибочна, поскольку заданные таким образом показатели оценки могут выполняться в т. ч. в ущерб социально-экономическому развитию страны, однако полностью их отбрасывать не стоит (Ting & Gray, 2019). Особенно это касается ситуации с отдельными компаниями, которые в случае высокой налоговой нагрузки будут стремиться оптимизировать объем налоговых отчислений. В частности, авторы приводят пример транснациональной корпорации Catterpillar, которая в 2014 г. заплатила 55 млн долл. США крупнейшей консалтинговой фирме за разработку и внедрение налоговой структуры, позволившей компании за период с 2000 г. по 2012 г. перевести чистую прибыль в размере 8 млрд долл. США в Швейцарию из Америки и тем самым «уйти от налогов».

Происходящий в настоящее время рост доли нематериальных активов в капитале компаний усугубляет проблему, поскольку они обладают более высокой мобильностью, нежели физические активы, и легче выводятся из страны. Соответственно, налоговые органы должны особенно тщательно отслеживать, в первую очередь, внутригрупповые сделки. Поскольку наиболее крупные компании и наиболее богатые физические лица могут позволить себе дорогие услуги налоговой оптимизации, в связи с чем их налоговая нагрузка часто значительно меньше, чем у местных компаний и простых граждан, вынужденных платить «по полной программе». Например, в США неучтенный доход физических лиц оценивается в ~7 % для нижних 50 % по подушевому доходу и в ~20 % для верхних 1 % (Guyton et al., 2021).

Данная проблема особенно актуальна в российских условиях, с учетом значительного уровня офшоризации российской экономики, существующей даже в современных условиях санкций. Показатели эффективной налоговой ставки российских компаний и бенефициаров, с нашей точки зрения, должны быть предметом особо пристального внимания со стороны налоговых органов. Тем более это не должно быть сложно по причине высокого уровня концентрации капиталов в Российской Федерации.

Для оценки эффективности налоговых систем и стимулов в направлении оценки объема налоговых поступлений в государственный бюджет и налоговой нагрузки могут использоваться различные методы исследования: индексный, метод, расчета налоговых потерь при предоставлении налоговых льгот и стимулов; регрессионный анализ и метод *case-study*.

Например, О. Калинина предлагает использовать индексный метод, опирающийся на синтез ресурсного подхода (соотношение результатов и используемых ресурсов) и целевого подхода (соотношение фактических результатов и желаемых) (Калинина, 2011). Хотя автор и делает акцент на важности расчета показателя эластичности налоговых поступлений по ВВП и предлагает при оценке эффективности налоговой системы оценивать социально-экономические показатели, она отводит им второстепенную роль и, на наш взгляд, вольно их интерпретирует.

В работе С. Белоусовой и Т. Ткачевой проводится оценка эффективности налоговых льгот и преференций по местным налогам города Курск при учете налоговых потерь (Белоусова, Ткачева, 2020). При этом предлагается алгоритм оценки качества местных налоговых льгот, который состоит из 3-х этапов:

1) учет предоставленных налоговых льгот, составление их реестра, разделение льгот по целевой направленности (стимулирующие и социальные);

2) оценка монетарной величины каждой предоставленной льготы через расчет выпадающих доходов бюджета по соответствующему налогу;

3) непосредственно оценка качества налоговой льготы:

— оценка ожидаемого вклада в изменение целевого социально-экономического показателя;

— оценка последующих налоговых поступлений в консолидированный бюджет от пользователей налоговой льготы (для стимулирующих льгот);

— оценка бюджетной эффективности (для социальных льгот).

Данный подход, по нашему мнению, является состоятельным и может быть применен и на федеральном уровне, хотя авторы и не обнаружили высокой эффективности существующей системы предоставленных налоговых льгот на региональном уровне.

Другим инструментарием оценки эффективности налоговой системы и стимулов выступает регрессионный анализ, в котором зависимыми переменными могут быть эффективная ставка налога и ее динамика по компаниям. Данный метод часто применяется в зарубежных исследованиях. В частности, в работе Н. Геммеля, Р. Кнеллер и И. Санз при помощи обыкновенной регрессии оценивается долгосрочное влияние налогово-бюджетной политики на рост доходов бюджета 17 стран ОЭСР в период с 1970 г. по 2003 г. (Gemmell et al., 2007). Зависимой переменной в данном случае является процент профицита бюджета, а независимыми фискальными переменными:

— суммарная налоговая нагрузка от налогов, вносящих искажение в экономику

— налог на прибыль, НДС, социальные отчисления, имущественные налоги;

— не вносящие искажение косвенные налоги (НДС);

— процент прочих доходов бюджета, таких как неналоговые доходы и налогообложение международной торговли;

— процент производительных расходов бюджета;

— непроизводительные расходы бюджета, такие как социальное обеспечение;

— расходы на оборону, образование, здравоохранение, жилье, транспортная инфраструктура и связь.

Интересно, что полученные авторами результаты релевантны для всех стран ОЭСР и указывают на негативное влияние непродуктивных расходов бюджета на рост доходов бюджета и на положительное влияние расходов производительных, что связано с появлением налогооблагаемой стоимости от государственных инвестиций.

В работе М. Крайняка при помощи регрессионного анализа оценивается влияние чешской реформы НДС 2021 г. на эффективную налоговую ставку и прогрессивность налогообложения (Krajčák, 2021). Проведенная реформа ввела прогрессивную налоговую ставку, изменила способ определения налоговой базы, увеличив при этом налоговые льготы. Результаты исследования показали, что после реформы эффективная ставка налога снизилась примерно на 5 %, основной причиной этому стало изменение подхода к определению налоговой базы.

Еще одним методом исследования эффективности налоговых систем с точки зрения налоговых поступлений являются case-study. В данном случае их применяют для оценки влияния системы международного налогообложения на эффективность национальных налоговых систем. При этом поднимаются вопросы двойного налогообложения, т. е. ситуации, когда прибыль компаний может быть обло-

жена налогом де-факто дважды — сначала налогом на прибыль компаний, затем НДФЛ или налогами на прирост капитала и дивидендный доход; а также вопросы вывода капитала в оффшорные юрисдикции.

Например, в работе Л.Е. Бурмана, К.А. Клаусинга и Л. Остина на основе данных Федеральной Резервной Системы США оценивается объем прибыли, распределенной американскими компаниями на счета физических лиц, которые облагаются налогами на прирост капитала и дивидендный доход (Burman et al., 2017). По оценкам авторов, налогооблагаемая доля корпоративного капитала в 1965 г. составляла примерно 80 %, а в период с 2004 г. по 2013 г. — всего 32 %. Столь значительное изменение авторы связывают с эффектами экономической глобализации, развитием рынков капитала и финансовых инструментов. Их результат еще раз доказывает, что обсуждаемые в настоящее время в академической и политической среде США предложения о переходе от налогообложения корпораций к большему налогообложению физических лиц с целью устранения искажающих экономических эффектов налога на прибыль являются необоснованными, поскольку данное решение приведет к значительному падению налоговых поступлений.

Часто *case-study* используют с целью определения налоговой структуры транснациональных корпораций, их фактической налоговой нагрузки и объемов прибыли, выведенной в офшорные юрисдикции и, соответственно, упущенной налоговой выручки. Примером этому может служить исследование (Garcia-Bernardo, et al., 2021), в котором на основе данных по американским транснациональным корпорациям анализируются эффективные ставки налога на прибыль и на основании этого оцениваются объемы прибылей компаний, выведенные в офшорные юрисдикции. Выведенная прибыль рассчитывается как произведение показателей экономической деятельности компании и глобальной консолидированной прибыли ТНК за вычетом прибыли, зарегистрированной в стране. При этом экономическая деятельность компании рассчитывается по методологии Common Consolidated Corporate Tax Base (CCCTB) Европейского Союза как сумма одной трети величины нематериальных активов, одной трети объема выручки и одной трети величины расходов на сотрудников.

Авторы отмечают, что данные CCCTB по прибылям и налоговым платежам ТНК являются наиболее надежными и полными, поскольку они включают и данные по офшорным юрисдикциям — «налоговым гаваням». Для выявления ключевых офшорных юрисдикций для США использованы:

- 1) оценка эффективных ставок налога, рассчитываемая как отношение налога на прибыль к валовому доходу;
- 2) расчет объема выведенной прибыли;
- 3) распределение общей выведенной прибыли по странам, а также анализ, относятся ли переведенные прибыли к странам с более низкими ставками налога на прибыль.

3. Обсуждение и выводы

Проведенное обзорное исследование подходов к оценке эффективности налоговой системы и налогово-бюджетной политики в целом, представленных в российской и зарубежной литературе, позволило выделить четыре основных оценочных «кластера».

В рамках первого кластера работ ведется научная дискуссия об оценке влияния налоговой политики на неравенство доходов, представленное индексом Джини и уровнем нищеты, преимущественно при помощи регрессионного анализа.

Второй кластер содержит предложения по оценке влияния мер налоговой политики на экономический рост, представленный ростом ВВП на душу населения, оцениваемое с помощью регрессионного анализа.

Третий кластер работ охватывает влияние налоговой политики на привлечение и стимулирование инвестиций. Это показывается через динамику прямых иностранных и частных инвестиций в ВВП, рост основных средств и запасов компаний, а также динамику добавленной стоимости на уровне фирм. Это также оценивается при помощи регрессионного анализа.

В рамках четвертого кластера анализируется влияние налогов на доходы государственного и муниципального бюджета.

Оценка эффектов отдельных налоговых регулирований, таких как изменения в соглашениях об избежании двойного налогообложения с крупнейшими офшорами, требует более детального подхода. Это может включать определение фактической налоговой структуры транснациональных корпораций в ходе case-study, объемов выведенной ими прибыли и оценки упущенной налоговой выручки. В случае России это не представляется сильно трудоемким по причине высокой концентрации отраслей и капитала у крупнейших собственников и незначительности изменений в их составе за прошедшие десятилетия.

Таким образом, дальнейшие перспективы данного исследования также могут быть связаны с расчетом показателей экономической деятельности с целью проведения детальной оценки объемов прибыли, выведенной крупными российскими ТНК, через сделки с зарегистрированными в кипрском офшоре связанными компаниями, связанной с этим упущенной налоговой выручкой и оценкой влияния объемов выведенной прибыли и упущенной налоговой выручки на выделенные в ходе исследования кластеры социально-экономической эффективности налоговой политики.

Список источников

Белоусова, С. Н., Ткачева, Т. Ю. (2020). Методические и практические аспекты оценки эффективности налоговых льгот и преференций. *Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент*, 10(1), 152–159.

Быкова, А. Ю., Тикшаева, Л. В. (2016). Прогрессивная шкала налогообложения как инструмент сокращения неравенства доходов населения. *Налоги и налогообложение*, 5, 393–401. <https://doi.org/10.7256/1812-8688.2016.5.17291>

Варшавский, А. Е. (2013). О прогрессивном налогообложении. *Анализ и моделирование экономических и социальных процессов: Математика. Компьютер. Образование*, 20(1–2), 26–39.

Вахтина, М. А. (2016). Прогрессивное налогообложение как инструмент обеспечения стабильности бюджетной системы. *Актуальные проблемы экономики и права*, 10(2), 68–79. <http://dx.doi.org/10.21202/1993-047X.10.2016.2.68-79>

Какаулина, М. О. (2017). Графическая интерпретация кривой Лаффера с учетом налоговой «миграции». *Вестник УрФУ. Серия экономика и управление*, 16(3), 336–356. <http://doi.org/10.15826/vestnik.2017.16.3.017>

Калинина, О. В. (2011). Оценка эффективности российской налоговой системы. *Финансы и кредит*, 11(443), 10–14.

- Косов, М. Е., Бондаренко, Н. О. (2018). Теории пропорционального и прогрессивного налогообложения: практика применения. *Международный бухгалтерский учет*, 21(11), 1267–1280. <https://doi.org/10.24891/ia.21.11.1267>
- Мовшович, С. М., Соколовский, Л. Е. (1994). Выпуск, налоги и кривая Лаффера. *Экономика и математические методы*, 30(3), 129–141.
- Сокул, П. (2010). Налоги и их функции в современной экономике. *Вестник Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова. Серия Гуманитарные науки*, 1(11), 115–122.
- Afonso, A., Schuknecht, L., Tanzi, V. (2010). Income Distribution Determinants and Public Spending Efficiency. *The Journal of Economic Inequality*, 8(3), 367–389. <https://doi.org/10.1007/s10888-010-9138-z>
- Altshuler, R., Grubert, H., Newlon, T. S. (2000). Has US Investment Abroad Become More Sensitive to Tax Rates? *International taxation and multinational activity* (pp. 9–38). Chicago: University of Chicago Press.
- Auerbach, A. J., Hassett, K. (1992). Tax Policy and Business Fixed Investment in the United States. *Journal of public Economics*, 47(2), 141–170. [https://doi.org/10.1016/0047-2727\(92\)90046-i](https://doi.org/10.1016/0047-2727(92)90046-i)
- Barro, R. J. (1990). Government Spending in a Simple Model of Endogeneous Growth. *Journal of political economy*, 98(5, Part 2), 103–125. <https://doi.org/10.1086/261726>
- Benabou, R. (2002). Tax and Education Policy in a Heterogeneous-Agent Economy: What Levels of Redistribution Maximize Growth and Efficiency? *Econometrica*, 70(2), 481–517.
- Bénassy-Quéré, A., Gopalraja, N., Trannoy, A. (2007). Tax and Public Input Competition. *Economic Policy*, 22(50), 386–430. <https://doi.org/10.1111/j.1468-0327.2007.00179.x>
- Burman, L. E., Clausing, K. A., Austin, L. (2017). Is U.S. Corporate Income Double-Taxed? *National Tax Journal*, 70(3), 675–706. <https://doi.org/10.17310/ntj.2017.3.06>
- Dackehag, M., Hansson, Å. (2012). *Taxation of Income and Economic Growth: An empirical Analysis of 25 Rich OECD Countries*. Department of Economics, Lund University. URL: <http://swopec.hhs.se/lunewp/> (дата обращения: 10.02.2023)
- De Mooij, R. A., Ederveen, S. (2003). Taxation and Foreign Direct Investment: A Synthesis of Empirical Research. *International tax and public finance*, 10, 673–693. <https://doi.org/10.1023/A:1026329920854>
- Edmiston, K. D. (2004). Tax Uncertainty and Investment: A Cross-Country Empirical Examination. *Economic Inquiry*, 42(3), 425–440. <https://doi.org/10.1093/ei/cbh071>
- Edmiston, K., Mudd, S., Valev, N. (2003). Tax Structures and FDI: The Deterrent Effects of Complexity and Uncertainty. *Fiscal Studies*, 24(3), 341–359.
- Furceri, D., Ge, J., Loungani, P., Melina, G. (2018). The Distributional Effects of Government Spending Shocks in Developing Economies. *IMF*, 18(57).
- Garcia-Bernardo, J., Janský, P., Tørsløv, T. (2021). Multinational Corporations and Tax Havens: Evidence from Country-By-Country Reporting. *International Tax and Public Finance*, 28(6), 1519–1561. <https://doi.org/10.1007/s10797-020-09639-w>
- García-Peñalosa, C., Turnovsky, S. J. (2007). Growth, Income Inequality, and Fiscal Policy: What are the Relevant Trade-Offs? *Journal of Money, Credit and Banking*, 39(2-3), 369–394. <http://dx.doi.org/10.1111/j.0022-2879.2007.00029.x>
- Gechert, S., Heimerger, P. (2022). Do Corporate Tax Cuts Boost Economic Growth? *European Economic Review*, 147, 104157. <https://doi.org/10.1016/j.eurocorev.2022.104157>
- Gutmann, P. M. (1977). The Subterranean Economy. *Financial Analysts Journal*, 33(6), 26–27. <https://doi.org/10.2469/faj.v33.n6.26>
- Guyton, J., Langetieg, P., Reck, D., Risch, M., Zucman, G. (2021). Tax Evasion at the Top of the Income Distribution: Theory and Evidence. *NBER Working Paper*, w28542.
- Hassett, K. A., Hubbard, R. G. (2002). Tax Policy and Business Investment. *Handbook of Public Economics*. Vol. 3 (pp. 1293–1343). Amsterdam, The Netherlands: Elsevier.
- Hill, R. (2008). Optimal Taxation and Economic Growth: A Comment. *Public Choice*, 134, 419–427. <https://doi.org/10.1007/s11127-007-9235-0>

- King, R. G., Rebelo, S. (1990). Public Policy and Economic Growth: Developing Neoclassical Implications. *Journal of Political Economy*, 98(5, Part 2), 126–150. <https://doi.org/10.1086/261727>
- Kneller, R., Bleaney, M., Gemmell, N. (1999). Fiscal Policy and Growth: Evidence from OECD Countries. *Journal of Public Economics*, 74, 171–190. [http://dx.doi.org/10.1016/S0047-2727\(99\)00022-5](http://dx.doi.org/10.1016/S0047-2727(99)00022-5)
- Krajiňák, M. (2021). Evaluation of the Impact of the Personal Income Tax Reform in the Czech Republic in 2021 on Effective Tax Rate and Tax Progressivity. *Journal of Tax Reform*, 7(2), 134–145. <https://doi.org/10.15826/jtr.2021.7.2.094>
- Lee, Y., Gordon, R. H. (2005). Tax Structure and Economic Growth. *Journal of Public Economics*, 89(5–6), 1027–1043. <https://doi.org/10.1016/j.jpubeco.2004.07.002>
- Muinelo-Gallo, L., Roca-Sagalés, O. (2011). Economic Growth and Inequality: The Role of Fiscal Policies. *Australian Economic Papers*, 50(2-3), 74–97. <https://doi.org/10.1111/j.1467-8454.2011.00412.x>
- Muinelo-Gallo, L., Roca-Sagalés, O. (2013). Joint Determinants of Fiscal Policy, Income Inequality and Economic Growth. *Economic Modelling*, 30, 814–824. <https://doi.org/10.1016/j.econmod.2012.11.009>
- OECD (2022). *Tax Incentives and the Global Minimum Corporate Tax: Reconsidering Tax Incentives after the GloBE Rules*. Paris: OECD Publishing, 79. <https://doi.org/10.1787/25d30b96-en>
- Plosser, C. I. (1992). The Search for Growth. *A Symposium Sponsored by the Federal Reserve Bank of Kansas City, Policies for Long-Run Economic Growth* (pp. 57–86). Jackson Hole, Wyoming.
- Rixen, T. (2011). From Double Tax Avoidance to Tax Competition: Explaining the Institutional Trajectory of International Tax Governance. *Review of International Political Economy*, 18(2), 197–227. <https://doi.org/10.1080/09692290.2010.481921>
- Romero-Avila, D., Strauch, R. (2008). Public Finances and Long-Term Growth in Europe: Evidence from a Panel Data Analysis. *European Journal of Political Economy*, 24(1), 172–191.
- Schuknecht, L., Tanzi, V. (2005). Reforming Public Expenditure in Industrialised countries: Are There Trade-Offs? *European Central Bank. Working Paper Series*, 435.
- Schwellnus, C., Arnold, J. M. (2008). Do Corporate Taxes Reduce Productivity and Investment at the Firm Level? Cross-Country Evidence from the Amadeus Dataset. *CEPII research center. Working Papers*, 19.
- Scully, G. W. (1991). *How State and Local Taxes Affect Economic Growth*. Dallas, the USA: National Center for Policy Analysis, 19.
- Scully, G. W. (2003). Optimal Taxation, Economic Growth and Income Inequality. *Public Choice*, 115(3–4), 299–312.
- Stoilova, D., Patonov, N. (2013). An Empirical Evidence for the Impact of Taxation on Economy Growth in the European Union. *Tourism & Management Studies*, 1031–1039.
- Szarowska, I. (2013). Effects of Taxation by Economic Functions on Economic Growth in the European Union. In Jircikova, E., Knapkova, A., Pastuszkova, E. (Eds.). *Proceedings of the 6th International Scientific Conference: Finance and the performance of Firms in Science, Education and Practice* (pp. 746–758).
- Szarowska, I. (2013). Shift in Tax Burden and Its Impact on Economic Growth in the European Union. *Acta Universitatis Agriculturae et Silviculturae Mendeleianae Brunensis*, 61(4), 1153–1160.
- Ting, A., Gray, S. J. (2019). The Rise of the Digital Economy: Rethinking the Taxation of Multi-national Enterprises. *Journal of International Business Studies*, 50, 1656–1667. <https://doi.org/10.1057/s41267-019-00223-x>
- Van Parys, S., James, S. (2010). The Effectiveness of Tax Incentives in Attracting Investment: Panel Data Evidence from the CFA Franc Zone. *International Tax and Public Finance*, 17, 400–429. <https://doi.org/10.1007/s10797-010-9140-1>
- Zee, H. H., Stotsky, J. G., Ley, E. (2002). Tax Incentives for Business Investment: A Primer for Policy Makers in Developing Countries. *World development*, 30(9), 1497–1516. [https://doi.org/10.1016/S0305-750X\(02\)00050-5](https://doi.org/10.1016/S0305-750X(02)00050-5)

References

- Afonso, A., Schuknecht, L., & Tanzi, V. (2010). Income Distribution Determinants and Public Spending Efficiency. *The Journal of Economic Inequality*, 8(3), 367–389. <https://doi.org/10.1007/s10888-010-9138-z>
- Altshuler, R., Grubert, H., & Newlon, T. S. (2000). Has US Investment Abroad Become More Sensitive to Tax Rates? *International taxation and multinational activity* (pp. 9–38). Chicago: University of Chicago Press.
- Auerbach, A. J., & Hassett, K. (1992). Tax Policy and Business Fixed Investment in the United States. *Journal of public Economics*, 47(2), 141–170. [https://doi.org/10.1016/0047-2727\(92\)90046-i](https://doi.org/10.1016/0047-2727(92)90046-i)
- Barro, R. J. (1990). Government Spending in a Simple Model of Endogenous Growth. *Journal of political economy*, 98(5, Part 2), 103–125. <https://doi.org/10.1086/261726>
- Belousova, S. N., & Tkacheva, T. Yu. (2020). Metodicheskie i prakticheskie aspekty otsenki effektivnosti nalogovykh l'got i preferentsiy [Methodological and Practical Aspects of Assessing the Effectiveness of Tax Benefits and Preferences]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment [Proceedings of the Southwest State University. Series: Economy. Sociology. Management]*, 10(1), 152–159. (In Russ.)
- Benabou, R. (2002). Tax and Education Policy in a Heterogeneous-Agent Economy: What Levels of Redistribution Maximize Growth and Efficiency? *Econometrica*, 70(2), 481–517.
- Bénassy-Quéré, A., Goyalraja, N., & Trannoy, A. (2007). Tax and Public Input Competition. *Economic Policy*, 22(50), 386–430. <https://doi.org/10.1111/j.1468-0327.2007.00179.x>
- Burman, L. E., Clausing, K. A., & Austin, L. (2017). Is U.S. Corporate Income Double-Taxed? *National Tax Journal*, 70(3), 675–706. <https://doi.org/10.17310/ntj.2017.3.06>
- Bykova, A. Yu., & Tikshaeva, L. V. (2016). Progressivnaya shkala nalogooblozheniya kak instrument sokrashcheniya neravenstva dokhodov naseleniya [Progressive Taxation Scale as a Tool for Smoothing Social Inequality]. *Nalogi i nalogooblozhenie [Taxes and taxation]*, 5, 393–401. <https://doi.org/10.7256/1812-8688.2016.5.17291> (In Russ.)
- Dackehag, M., & Hansson, Å. (2012). *Taxation of Income and Economic Growth: An empirical Analysis of 25 Rich OECD Countries*. Department of Economics, Lund University. Retrieved from: <http://swopec.hhs.se/lunewp/> (Date of access: 10.02.2023)
- De Mooij, R. A., & Ederveen, S. (2003). Taxation and Foreign Direct Investment: A Synthesis of Empirical Research. *International tax and public finance*, 10, 673–693. <https://doi.org/10.1023/A:1026329920854>
- Edmiston, K. D. (2004). Tax Uncertainty and Investment: A Cross-Country Empirical Examination. *Economic Inquiry*, 42(3), 425–440. <https://doi.org/10.1093/ei/cbh071>
- Edmiston, K., Mudd, S., & Valev, N. (2003). Tax Structures and FDI: The Deterrent Effects of Complexity and Uncertainty. *Fiscal Studies*, 24(3), 341–359.
- Furceri, D., Ge, J., Loungani, P., & Melina, G. (2018). The Distributional Effects of Government Spending Shocks in Developing Economies. *IMF*, 18(57).
- García-Bernardo, J., Janský, P., & Tørsløv, T. (2021). Multinational Corporations and Tax Havens: Evidence from Country-By-Country Reporting. *International Tax and Public Finance*, 28(6), 1519–1561. <https://doi.org/10.1007/s10797-020-09639-w>
- García-Peñalosa, C., & Turnovsky, S. J. (2007). Growth, Income Inequality, and Fiscal Policy: What are the Relevant Trade-Offs? *Journal of Money, Credit and Banking*, 39(2-3), 369–394. <http://dx.doi.org/10.1111/j.0022-2879.2007.00029.x>
- Gechert, S., & Heimberger, P. (2022). Do Corporate Tax Cuts Boost Economic Growth? *European Economic Review*, 147, 104157. <https://doi.org/10.1016/j.eurocorev.2022.104157>
- Gutmann, P. M. (1977). The Subterranean Economy. *Financial Analysts Journal*, 33(6), 26–27. <https://doi.org/10.2469/faj.v33.n6.26>
- Guyton, J., Langetieg, P., Reck, D., Risch, M., & Zucman, G. (2021). Tax Evasion at the Top of the Income Distribution: Theory and Evidence. *NBER Working Paper*, w28542.

Hassett, K. A., & Hubbard, R. G. (2002). Tax Policy and Business Investment. *Handbook of Public Economics*. Vol. 3 (pp. 1293–1343). Amsterdam, The Netherlands: Elsevier.

Hill, R. (2008). Optimal Taxation and Economic Growth: A Comment. *Public Choice*, 134, 419–427. <https://doi.org/10.1007/s11127-007-9235-0>

Kakaulina, M. O. (2017). Graficheskaya interpretatsiya krivoy Laffera s uchetom nalogovoy “migratsii” [Graphic Interpretation of the Laffer Curve with Tax “Migration”]. *Vestnik UrFU. Seriya ekonomika i upravlenie [Bulletin of Ural Federal University. Series Economics and Management]*, 16(3), 336–356. <http://doi.org/10.15826/vestnik.2017.16.3.017> (In Russ.)

Kalinina, O. V. (2011). Otsenka effektivnosti rossiyskoy nalogovoy sistemy [Estimation of Efficiency of the Russian tax system]. *Finansy i kredit [Finance and Credit]*, 11(443), 10–14. (In Russ.)

King, R. G., & Rebelo, S. (1990). Public Policy and Economic Growth: Developing Neoclassical Implications. *Journal of Political Economy*, 98(5, Part 2), 126–150. <https://doi.org/10.1086/261727>

Kneller, R., Bleaney, M., & Gemmell, N. (1999). Fiscal Policy and Growth: Evidence from OECD Countries. *Journal of Public Economics*, 74, 171–190. [http://dx.doi.org/10.1016/S0047-2727\(99\)00022-5](http://dx.doi.org/10.1016/S0047-2727(99)00022-5)

Kosov, M. E., & Bondarenko, N. O. (2018). Teorii proporsional'nogo i progressivnogo nalogoblozheniya: praktika primeneniya [Proportional and Progressive Taxation: Application of the Theory to Real-Life Problems]. *Mezhdunarodnyy bukhgalterskiy uchët [International Accounting]*, 21(11), 1267–1280. <https://doi.org/10.24891/ia.21.11.1267> (In Russ.)

Krajňák, M. (2021). Evaluation the Impact of the Personal Income Tax Reform in the Czech Republic in 2021 on Effective Tax Rate and Tax Progressivity. *Journal of Tax Reform*, 7(2), 134–145. <https://doi.org/10.15826/jtr.2021.7.2.094>

Lee, Y., & Gordon, R. H. (2005). Tax Structure and Economic Growth. *Journal of Public Economics*, 89(5–6), 1027–1043. <https://doi.org/10.1016/j.jpubeco.2004.07.002>

Movshovich, S. M., & Sokolovsky, L. E. (1994). Vypusk, nalogi i krivaya Laffera [Output, Taxes, and the Laffer Curve]. *Ekonomika i matematicheskie metody [Economics and Mathematical Methods]*, 30(3), 129–141. (In Russ.)

Muinel-Gallo, L., & Roca-Sagalés, O. (2011). Economic Growth and Inequality: The Role of Fiscal Policies. *Australian Economic Papers*, 50(2–3), 74–97. <https://doi.org/10.1111/j.1467-8454.2011.00412.x>

Muinel-Gallo, L., & Roca-Sagalés, O. (2013). Joint Determinants of Fiscal Policy, Income Inequality and Economic Growth. *Economic Modelling*, 30, 814–824. <https://doi.org/10.1016/j.econmod.2012.11.009>

OECD (2022). *Tax Incentives and the Global Minimum Corporate Tax: Reconsidering Tax Incentives after the GloBE Rules*. Paris: OECD Publishing, 79. <https://doi.org/10.1787/25d30b96-en>

Plosser, C. I. (1992). The Search for Growth. *A Symposium Sponsored by the Federal Reserve Bank of Kansas City, Policies for Long-Run Economic Growth* (pp. 57–86). Jackson Hole, Wyoming.

Rixen, T. (2011). From Double Tax Avoidance to Tax Competition: Explaining the Institutional Trajectory of International Tax Governance. *Review of International Political Economy*, 18(2), 197–227. <https://doi.org/10.1080/09692290.2010.481921>

Romero-Avila, D., & Strauch, R. (2008). Public Finances and Long-Term Growth in Europe: Evidence from a Panel Data Analysis. *European Journal of Political Economy*, 24(1), 172–191.

Schuknecht, L., & Tanzi, V. (2005). Reforming Public Expenditure in Industrialised countries: Are There Trade-Offs? *European Central Bank. Working Paper Series*, 455.

Schwellnus, C., & Arnold, J. M. (2008). Do Corporate Taxes Reduce Productivity and Investment at the Firm Level? Cross-Country Evidence from the Amadeus Dataset. *CEPII research center. Working Papers*, 19.

Scully, G. W. (1991). *How State and Local Taxes Affect Economic Growth*. Dallas, the USA: National Center for Policy Analysis, 19.

Scully, G. W. (2003). Optimal Taxation, Economic Growth and Income Inequality. *Public Choice*, 115(3–4), 299–312.

Sokul, P. (2010). Nalogi i ikh funktsii v sovremennoy ekonomike [Taxes and Their Functions in the Modern Economy]. *Vestnik Yaroslavl'skogo gosudarstvennogo universiteta im. P. G. Demidova. Seriya Gumanitarnye nauki*, 1(11), 115–122. (In Russ.)

Stoilova, D., & Patonov, N. (2013). An Empirical Evidence for the Impact of Taxation on Economy Growth in the European Union. *Tourism & Management Studies*, 1031–1039.

Szarowska, I. (2013). Effects of Taxation by Economic Functions on Economic Growth in the European Union. In Jircikova, E., Knapkova, A., Pastuszkova, E. (Eds.). *Proceedings of the 6th International Scientific Conference: Finance and the performance of Firms in Science, Education and Practice* (pp. 746–758).

Szarowska, I. (2013). Shift in Tax Burden and Its Impact on Economic Growth in the European Union. *Acta Universitatis Agriculturae et Silviculturae Mendeleianae Brunensis*, 61(4), 1153–1160.

Ting, A., & Gray, S. J. (2019). The Rise of the Digital Economy: Rethinking the Taxation of Multinational Enterprises. *Journal of International Business Studies*, 50, 1656–1667. <https://doi.org/10.1057/s41267-019-00223-x>

Vakhtina, M. A. (2016). Progressivnoe nalogooblozhenie kak instrument obespecheniya stabil'nosti byudzhethnoy sistemy [Progressive Taxation as a Tool for Providing the Budget System Stability]. *Aktual'nye problemy ekonomiki i prava [Actual Problems of Economics and Law]*, 10(2), 68–79. <http://dx.doi.org/10.21202/1993-047X.10.2016.2.68-79> (In Russ.)

Van Parys, S., & James, S. (2010). The Effectiveness of Tax Incentives in Attracting Investment: Panel Data Evidence from the CFA Franc Zone. *International Tax and Public Finance*, 17, 400–429. <https://doi.org/10.1007/s10797-010-9140-1>

Varshavsky, A. E. (2013). O progressivnom nalogooblozhenii [On Progressive Income Tax]. *Analiz i modelirovanie ekonomicheskikh i sotsial'nykh protsessov: Matematika. Komp'yuter. Obrazovanie [Analysis and modeling of economic and social processes: Mathematics. Computer. Education]*, 20(1–2), 26–39. (In Russ.)

Zee, H. H., Stotsky, J. G., & Ley, E. (2002). Tax Incentives for Business Investment: A Primer for Policy Makers in Developing Countries. *World development*, 30(9), 1497–1516. [https://doi.org/10.1016/S0305-750X\(02\)00050-5](https://doi.org/10.1016/S0305-750X(02)00050-5)

Информация об авторе

Розенберг Артём Владимирович — аспирант, Уральский федеральный университет им. Первого Президента России Б. Н. Ельцина; старший специалист департамента аудита, PricewaterhouseCoopers Ltd; <https://orcid.org/0000-0001-8035-771X> (Российская Федерация, 620002, г. Екатеринбург, ул. Мира, 19; Республика Кипр, г. Никосия,; e-mail: rozenberg.art@yandex.ru).

About the author

Artem V. Rozenberg — PhD Student, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin; Senior Associate of the Audit and Assurance Department, PricewaterhouseCoopers Ltd; <https://orcid.org/0000-0001-8035-771X> (19, Mira St., Ekaterinburg, 620002, Russian Federation; Nicosia, the Republic of Cyprus; e-mail: rozenberg.art@yandex.ru).

Дата поступления рукописи: 26.03.2023.

Прошла рецензирование: 03.04.2023.

Принято решение о публикации: 22.08.2023.

Received: 26 March 2023.

Reviewed: 03 Apr 2023.

Accepted: 22 Aug 2023.